

Глеб Карпинский

**ИЗ ЗАПИСОК
ГОСПОДИНА И**

для тех, кто верит в любовь

Глеб Карпинский

**Из записок господина N.
Для тех, кто верит в любовь**

«Издательские решения»

Карпинский Г.

Из записок господина N. Для тех, кто верит в любовь /
Г. Карпинский — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-937502-5

«Из записок господина N» — это заключительная, мистическая часть романа «Иди как можно дальше». По просьбам читателей здесь приведена полная версия дневника с «колымскими рассказами». Данная версия имеет право на самостоятельную книгу. В ней описываются события и личные переживания неприкаянной души погибшего в Чечне солдата, так и не вкусившего радость любви к женщине. Создатель дает ему время, чтобы он полюбил Тишину, немую алтайскую девушку, которая видит больше, чем простые смертные...

ISBN 978-5-44-937502-5

© Карпинский Г.
© Издательские решения

Содержание

Как я воевал	6
После выстрела	8
Настоящий друг	12
О родных местах	13
Она любила ирисы	14
Мне иногда хочется	15
Вопрос к слепой девушке	16
О бедном Артуре	17
О сексуальных женских фантазиях	20
Анна	21
Прости, что выбрал тебя	25
На мосту	26
Идущая в рай	27
Про любовь	29
Заброшенный пляж и призрак	30
О душевных разговорах замужней женщины с чужим мужчиной	31
Как из меня однажды сделали морального выродка	32
Не говорите женщине, что она не совсем счастлива в браке	36
Мужской стриптиз	37
Как я любил жизнь	40
Стоит ли верить людям	41
Испытание голодом	42
О саде-мазе	43
Побег	44
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Из записок господина N Для тех, кто верит в любовь

Глеб Карпинский

Редактор Ирина Карпинская

© Глеб Карпинский, 2019

ISBN 978-5-4493-7502-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

*Не спи, мой верный демон!
Там за горизонтом уже рассвет встает.
И солнца острые кинжалы иссушат наши крылья.
Назад дороги нет. Там мрак, и плесенью пропахла сталь усопших
в том бою...
И в паутине страшных черных птиц узнаем мы друг друга
из тысячи,
И в тишине голодной я накормлю тебя словами нежности
и доброты...
Не спи, мой верный демон!*

Как я воевал

Мгновение... Оно может быть счастливым, а, может, и нет. Столько всего было, а воспоминания о войне снятся до сих пор. Не могу забыть я это, хотел бы, да не могу. Чечня – оплот России на Кавказе, слава казацкой силы и непобедимости русского духа, наша земля, которую мы защищали в декабре 94-го, выполняя свой гражданский долг, брошенные и обманутые, но несломленные и жадно хотящие жить. Помню, как дымился город, валялись трупы жителей, солдат, животных, горела брошенная бронетехника, и уже сложно было понять, где свои, где чужие. Наш взвод пробивался к своим. У рынка мы наткнулись на «чехов». Сорок хорошо вооруженных боевиков нас встретили шквальным огнем и загнали в полуподвал. Мы заняли круговую оборону. Рация глушилась. В перерывах мы слышали чеченскую и арабскую речь, но чаще всего звучал русский мат. Когда убили первого из нас, был шок. С этим несчастным я ел из одного котелка, и он называл меня по имени... Сейчас он лежал в неестественной позе с перебитой головой и широко открытыми от удивления глазами. Смерть застала его внезапно. Офицер приказал каждому из нас перешагнуть через убитого товарища. Так он хотел, чтобы мы победили в себе страх и продолжили бой. И бой продолжался. Враг наступал и отходил, изматывая нас. И с каждой такой атакой мы несли потери. Двух ребят завалило у входа. И они еще живые долгое время стонали во тьме. Я слышал, как один из них просил пить и звал маму...

– Займи позицию, солдат! – приказал офицер, когда я пытался откапывать их.

И тогда я понял, что война – это страшная вещь, самое ужасное, через что может пройти человек. Я сидел у окна и палил по противнику, потому что он палил по мне. Я не жалел патронов и слышал, как кто-то чужой выл от боли, и потом все затихало. Когда рассвело, атаки стали отчаянными. Враг предпринимал все попытки выкурить нас оттуда. Постоянно орал в рупор с кавказским акцентом:

– Русский Иван, иди домой! Нам нужен только офицер...

Среди нас был чеченец Ахмед. Его родители были из Грозного, а отца, депутата Чеченской Республики выбросили из окна Горсовета «дудаевцы» еще три года назад.

– Вы не мусульмане, – кричал Ахмед им в ответ, – вы шайтаны, продавшие душу за деньги арабов и коррупционеров Кремля.

Ахмед умер. Осколком гранаты ему распорол живот. Никогда не думал, что такое возможно. Вот так просто перерезать человека как ножом масло. Вместе с одеждой и амуницией. Пар клубился над его внутренностями. Ахмед, бедный мой друг. Я плачу сейчас, вспоминая твое красивое лицо, твои глаза, в которых я видел себя, испуганного восемнадцатилетнего мальчика, который вдруг встал взрослым.

Второй день подходил к концу. Нас осталось четверо. Все мы были ранены. Офицера убил снайпер, когда он пытался перевязать солдата. Наш дух был сломлен. Мы бросили жребий, кому оставаться. Жребий выпал мне. Я прикрывал, а другие пошли на прорыв. В глубине души я завидовал им, но они не пробежали и нескольких метров... Их поймали и отрезали головы.

Мне не нравился один араб. Он был рыжий, как лиса, и отважен, как черт. Несколько раз я пытался достать его, но Аллах хранил его на мою погибель. Помню, как я сжимал автомат и молился, потому что оставалось не более двадцати патронов. На каждые автоматные очереди врагов, я отстреливал одиночные. Пока совсем не замолчал.

– Что, Ваня, закончились патроны? – смеялись снаружи «чехи».

Они подкрадывались. Я чувствовал, что они готовы разорвать меня, пытать перед смертью, унижить, изнасиловать, оскопить, растоптать. Все свои угрозы они выкрикивали в окно, всматриваясь в темноту... И больше всех кричал этот рыжий бородач. Мне обещали, клянясь Аллахом, поочередное отрубание всех конечностей и поедание собственных органов. Это были не люди, а звери. В самом страшном сне я не представлял, что окажусь здесь. Я крикнул им, обливаясь слезами. От страха я был мокрый...

– Твари, дайте мне умереть мужчиной! У меня остался штык...

Это было смешно. Кто не служил, тот не знает, что штык от автомата гнется при открытии даже консервной банки.

– Выходи, русский! – крикнул бородач. – Ты издохнешь, как собака.

Я выбрался, бледный и измотанный... Их было шестеро. Все что осталось от банды. Они стояли, опустив оружие, и скалились на меня, в предвкушении скорой расправы. Бородач достал кинжал и улыбнулся.

– Сейчас кишки резать будем! – сказал он.

А я так хотел жить! И нарушил слово... Я не стал идти в штыковую, дал очередь оставшимся патронами, положив всю эту нечисть на грязный от копоты снег.

После выстрела

Раздался выстрел, и эстонская девчонка отложила винтовку и забавно нахмурилась, когда не нашла свободного места для новой насечки на прикладе ее М-16. Словно это была какая-то детская игра. За каждую насечку ей платили тысячу долларов в независимости от звания погибшего. Такие девчонки убивали все, что движется. Нередко и своих. Главное, чтобы был хаос, чтобы никто не расслаблялся. Пуля попала мне в ногу, и я полз по инерции, корчась от боли, а снайпер уже искала новую жертву. На этот раз в прицел ей попался старый чеченец, который вез на телеге бидоны с молоком. Война застала мирный город неожиданно. Нередко во время боевых действий работали рынки и кинотеатры. Она нажала курок, потому что старик ей не нравился. Она не любила старых мужчин.

Меня же настигли бандиты. Они сорвали мой нательный крестик и втоптали его в грязь, будто он был чем-то мерзким для них. Стащили мои сапоги. Мою голову насадили на кол и отдали чеченским мальчишкам, которые несколько дней носились с ней по двору, пугая девчонок. Моя душа не находила покоя. Я бродил по развалинам города, оплакивая свое растерзанное тело, оставляя босые следы на мокром снегу. Не помню, как я очутился в разбитой мечети. Несколько снарядов от танка сделали в ней огромные ужасные дыры, но она стояла посреди такого же разрушенного города, словно гордый и непокоренный горец в последние минуты своей жизни. Потом я услышал звуки зикра. Это ритмичная музыка лилась прямо с неба, через разрушенный и просевший местами купол. Где-то танцевали чеченцы. Я увидел их круг, как в каком-то сакральном, почти диком искуплении они бегают по этому кругу, держа друг друга за плечи. Иногда они останавливались и двигали руками и ногами в каких-то неестественных движениях. Тела их были воздушны, а ноги почти не касались земли. От этого танца веяло невероятной энергией. Меня словно засасывало в эту воронку, и я бы встал в этот круг и тоже бегал бы с ними, но мне было неудобно. Я был словно незванным гостем на чужом мне празднике. К тому же, спиной ко мне стоял очень страшный, рыжий араб и бранился на всех, словно на малых детей. Он размахивал очень острым кинжалом, и его речь была непонятна мне, я слышал только два-три русских слова. Это «резать» и «убивать». Кажется, он призывал их заняться каким-то кощунственным нехорошим делом. И я был очень рад, что чеченцы не обращали на него никакого внимания и были увлечены танцем.

Вдруг араб повернулся, и его злой оскал сильно напугал меня. Я хотел бежать, спрятаться за камнями и обнаженной арматурой, но он уже окликнул меня, трясая своей бородой.

– Ах, Ваня, ловко ты нас обхитрил, – прорычал он и пригласил к столу, который стоял у одной из стен мечети. На столешнице лежала туша быка с вспоротым животом и перерезанным горлом. От внутренностей шел пар, и несчастное животное еще дергало в агонии ногами.

Там уже сидело несколько чеченцев, не желающих танцевать зикр. Все они были иссечены пулями, и кровь еще стекала с их бледных тел, но они не чувствовали ни боли, ни ненависти ко мне. Я узнал их и сел рядом, ожидая чего-то. Странно, но я тоже не чувствовал к ним ненависти.

– Аллах Акбар... – вдруг бросились на колени убитые мной боевики, и я тоже последовал их примеру.

В ярком вспыхнувшем свете я увидел вдруг Бога. То, что это был Бог, сомнений ни у кого не было, и я описать его не могу, но не из-за яркого света, а из заполнявших мою душу эмоций, после которых ничего не соображаешь. Помню лишь, что у него была седая, мягкая как шелк борода, стелившаяся до земли, и мы касались ее дрожащими от волнения пальцами и прикладывались трепетно к ней губами. Животный страх пронизывал наши несчастные души. И спрятаться от него было нельзя. Я понимал, что моя судьба зависит от суровости этого взгляда. В руках Бога вспыхнул огненный меч. Он взмахнул им и рассек животное на несколько частей. Себе он взял голову, арабу дал сердце, мне печень, а ноги достались остальным. Мы почувствовали жуткий, почти звериный голод и жадно начали трапезу, отчаянно рвя зубами сырое мясо. Кровь струилась по нашим губам, словно вино на чьей-то бурной свадьбе, но я не чувствовал этот вкус.

– Тебе повезло, брат, ты стал шахидом! – шепнул мне араб. – Держи!

И он подарил мне свой страшный кинжал, которым еще при жизни хотел зарезать меня. Я сухо поблагодарил его.

– Всевышний очень зол на меня, – грустно сказал он, проглатывая бычье сердце.

– За что? – удивился искренно я. – Ты храбро сражался и убил много моих товарищей. И, если бы не моя тяга к жизни, убил бы и меня.

Араба звали Валли. У него в США остался дом, жена и скакун по кличке Макбут. А зол был Аллах за то, что Валли утаил от близких банковский счет в одном из швейцарских банков. И как гласит Священная книга: тяжкий грех быть ростовщиком или иметь с ним дело, потому что все банки мира принадлежат богу Яхве.

Трапеза подходила к концу. Мы насытили свои мертвые желудки, восхваляя Аллаха за щедрость.

– Ты еще совсем мальчишка, – улыбнулся Он, потрепав меня по плечу, – даже не умеешь грызть мясо зубами. Ты ни разу даже не целовался с девушкой.

Мне было стыдно, что все узнали мою тайну. Бородатые мужики засмеялись, стуча обглоданными костями по столу, но суровый взгляд старика остудил их пыл.

– Зачем Вы убивали русских? – разгневался Бог, грозно сверкая глазами. – Разве Я не говорил Вам, что убивать человека нельзя, ибо жизнь даю я, и только я могу ее и забрать?

Они потупили взоры, а я заплакал.

– Иди, дитя, с миром! Ты достоин лучшей компании, – велел Он мне, и я повиновался.

Валли подошел ко мне и обнял, как брата. Я ответил взаимностью. Некоторое время мы так и молчали.

– Прощай, – сказал я ему, наконец.

Его рыжая борода, запачканная бычьей кровью, больно щекотала мне лицо.

– Мы еще увидимся, – улыбнулся он, – когда ты познаешь, что значит любить женщину...

– Где бы мне ее найти... – вздохнул я.

– Найдешь! Только обещай мне кое-что... – и он украдкой посмотрел на танцующих зикр чеченцев.

– Останови Амину, – вдруг запнулся араб, – Она моя чеченская жена и скоро станет шахидкой, глупая девчонка...

Какая-то небесная сила подхватила меня и понесла прочь. Мой дух кружил над болотами, скованными льдами и дремлющим лесом. Когда я был маленьким, я часто бродил там со своим отцом, собирал грибы и ягоды. Сейчас была зима, но я узнавал места моего детства. Я вспомнил, как отец разбогател, и вместо прогулок стал откупаться дорогими подарками, так как времени на меня уже не оставалось. Мать оставила нас, когда мне было шесть лет. Отец переживал, и все свои личные неудачи срывал на мне. Деньги и власть заменили любовь и образовали пропасть в наших отношениях. Сейчас я незаметной тенью залетел в родительский дом, увидел отца. Он сидел в кресле перед камином, в окружении роскоши, молчаливо склонившись к огню, пытаясь согреться. В руках он держал мою похоронку. Его руки дрожали. Я не видел прежде в его глазах слез, при мне он никогда не плакал, и сейчас находиться рядом с ним было невыносимо. Он не догадывался, что единственный сын смотрит на него, хочет обнять, сказать, что любит. У него было большое сердце, и я побоялся напугать его, поэтому оставил его. Но он все равно что-то почувствовал, бросился к окну и кричал мое имя. Долго и пронзительно. До хрипоты. И я рыдал вместе с ним.

Когда-то я гулял по Тверскому Бульвару еще до призыва в армию. Тут всегда было весело, влюбленные целовались на лавочках, и я решил пройтись здесь, немного прийти в себя. Вдруг кто-то окликнул меня, и я застыл в недоумении.

– Кто ты? – раздался глухой голос из памятника Сергею Есенину.

– Я русский солдат, который погиб на Кавказе от пули снайпера. – Ответил я.

– Неужели англичане до сих пор не уgomонились? – вздохнул голос. – Ты уже видел Аллаха?

Я кивнул и подошел поближе, стараясь не затоптать красные гвоздики у подножия памятника.

– Он отпустил меня с миром, потому что я еще дитя.

– Он сказал «дитя»?

Я снова кивнул. Мне хотелось заглянуть внутрь памятника.

– Дети – самые удивительные цветы во Вселенной, – сказал печально голос. – Они, как звезды. В них нет ни зла, ни порока. Я бы хотел оставаться вечным ребенком, но я уже, к сожалению, познал женщину.

– Почему ты здесь? – спросил я незнакомца.

– Потому что мне не надо Рая! Дайте Родину мою!

И незнакомец рассказал мне, что здесь ему вполне неплохо, но любимая его ждет где-то на берегу какой-то реки. Он предложил мне покараулить памятник, пока он слетает к ней на свидание. Я согласился, и он облегченно вздохнул, потому что боялся, что в его отсутствие, памятник займут души бюрократов, которые постоянно околачиваются у Макдональса. Странно, что я верил этому патриоту, хотя ни разу не видел его лица и лишь слышал его глухой голос.

– Ты, Рассея моя... Рас... сея! Азиатская сторона!

И надо мной вспорхнул вихрь из гвоздик, рванувший к синему-синему небу.

Настоящий друг

Настоящий друг познается в радости. Искренне радоваться успехам друга есть великое счастье.

О родных местах

Где эти родные места? В каких краях я найду их после долгой разлуки? Но я счастлив, потому что знаю сердцем путь. Я бегу домой босиком по теплым лужам. Бегу, и нет такой силы, чтобы остановить сей неугомонный бег. Ибо небо в своей прекрасной лазури тоже бежит вместе со мной. Господи, как хорошо на душе! Как блаженно по дороге домой!

Это далеко-далеко, там, где ветер гуляет по склонам гор, где течет чистый ручей и где березки, словно девушки, шепчут путнику тоскливые песни о какой-то далекой, всеми забытой, несбыточной мечте... Там, где слышен смех нашего детства, и где мы помним голос матери, и запах скошенной травы по утру, там, где наше сердце сжимается от воспоминаний, что все проходит безвозвратно, и лишь любовь никогда не умирает, ибо она причина нашей истинной жизни и она причина нашего воскрешения.

Она любила ирисы

Она любила ирисы, и не изменяла им никогда, а я любил ее и только ее. Каждый раз на моих глазах, когда очередной поклонник протягивал ей эти нежные цветы, я вздрагивал, чувствуя ноющую боль в груди. Иногда я радовался, видя, как швыряет она в гнев очередному поклоннику розы или хризантемы. О, как она любила ирисы! О, как я любил ее! Однажды в Рождество она долго стояла возле меня, поглядывая на часы и перебирая своими сапожками от мороза. Очевидно, на встречу с ней никто не пришел. Из ее чудного ротика шел теплый пар. Он клубился надо мной, как чистая душа, поднимаясь к небу. Ее губы слегка подрагивали, и я заметил, как по ее щекам скатилась слезинка.

– Я тебя лю..., – сказал я ей тогда, нарушив тишину.

Мне стало страшно, что я больше ее не увижу. Женщина повернулась в мою сторону и удивилась. Ее печальные глаза вопросительно посмотрели на меня.

– Я тебя лю..., – сказал я опять.

Кажется, ей понравилась моя недосказанность, и она улыбнулась. «Неужели она меня услышала?» – подумал я тогда. В моем каменном сердце стало очень горячо. Я чувствовал ее взгляд. Меня, как магнит, тянуло к ее сладким губам. Когда я мысленно коснулся щекой ее щеки, моя голова закружилась от желания обладать этой красивой женщиной.

– Почему бог создал меня каменным?

Мне иногда хочется

Мне иногда хочется исцелять несчастных и больных лишь прикосновением руки... Ну вот, например, иду в метро. И навстречу мне какой-то убогий ковыляет, калека, чуть ли не на четвереньках ползет. А я его обнимаю, ласково так по головке глажу, и он уже нормальный становится, ноги и руки отрастают, язвы все исчезают, а лицо красивое и ясное, как у ангела. Смотрит, улыбается, хочет меня запомнить, отблагодарить, но я исчезаю в толпе. Иногда мне кажется, что я даже обладаю таким даром.

Вопрос к слепой девушке

Однажды я сидел на лавочке на бульваре и ел мороженое. Было солнечно и по-весеннему радостно. На ветках щебетали птицы, в фонтанах детишки пускали бумажные кораблики. Я улыбался. «Хорошо, когда все хорошо...», – думал я. Вдруг я увидел золотистого ретривера, который вел женщину. От неожиданности я уронил мороженое, и четвероногий поводырь посмотрел на меня умными глазами. Он высунул язык и завилял хвостом. Мне выдался шанс разглядеть слепую. Она была бедно одета, в сером плаще, в очках и простеньких туфельках. В ее руках была трость, которой она прощупывала пространство перед собой. Я слышал, как медный кончик этой трости осторожно барабанит по моей лавочке, пока не наткнулся на мое колено.

– Извините... – улыбнулась женщина добродушной улыбкой. – Кажется, моя собака скушала Ваше мороженое.

Я промолчал. Просто смотрел на слепую, как ветер играл с ее волосами. Я растворялся в зеркале ее темных очков, и мне было стыдно, за то, что я не могу вымолвить ни слова.

Слепая потянула поводок, и собака-поводырь, радостно гавкнув на меня, послушно пошла дальше. Сердце мое изнывало от боли. Господи, как я хотел исцелить эту женщину своим волшебным поцелуем, дать ей зрение, вернуть то, что было отнято у нее по каким-то скрытым от меня причинам. Я хотел видеть ее удивленное лицо. Как она обнимает свою собаку, как ее трость падает из ослабевших от великого счастья рук, как в ее глазах блестят слезы, и она еще чувствуя мой сладкий от мороженого вкус на губах, ищет меня, но не находит... И я заплакал.

Я плакал так горько и искренно, что проходившие мимо меня люди останавливались и качали головами. Они не понимали причину моих слез. Они ничего не понимали, наивно полагая, что я какой-то ненормальный и плачу из-за оброненного случайно мороженого.

Утирая слезы, я задавался одним и тем же вопросом, который не давал мне покоя: «Могут ли слепые люди видеть красоту своего любимого?». Птицы радостно щебетали на ветках. Дети по-прежнему пускали в фонтан бумажные кораблики.

О бедном Артуре

Десять лет я отбивался от неприкаянных душ бюрократов. Я словно сросся с памятником. Угрюмо бросал я взоры на Тверской бульвар в слабой надежде, что рано или поздно мой друг вернется. Но он забыл меня. Не появлялась и девушка, которая любила ирисы. Вокруг меня по-прежнему собирались влюбленные парочки, и даже в стужу у подножия всегда были цветы. Благодарная Россия любит мертвых поэтов. Одиночество отравляло меня. Я зарос, волосы свисали с плеч до самых пят.

Однажды ночью я услышал хруст снега. Одинокая тень подошла к памятнику и остановилась в раздумьях. Я взглянул в глаза незнакомой тени и не увидел себя. Оказывается, даже духи не замечают духов, если их страдания невыносимы. Скорбь ослепляет их и никогда не отпускает. Как волна накрывает она их с головой и бросает в пучину, из которой нет спасенья. Эту горькую тень звали Артуром. Мне захотелось пожалеть его, обнять как друга после долгой разлуки. На вид ему было тридцать лет, рослый и красивый, с черными как смоль кудрями. Как все армяне он обладал приятным голосом и восточным обаянием. Руки у него были золотые, сердце добрым. Когда он говорил, то девушки собирались со всех аулов, чтобы послушать его мягкий голос. Но поговаривали, что он уже нашел невесту в Самарканде, и скоро привезет ее в Ереван знакомить с мамой.

Артур тяжело вздохнул. Снег ложился на бледное лицо его и не таял. Я увидел, что он подумал о русской девчонке из Самарканды, которую он еще не успел полюбить при жизни и которая все еще любила его после смерти. Любила, как может любить восемнадцатилетняя. И звали ее Галчонок. «Ну почему Галчонок? – возмутился он. – Птица какая-то черная». Вечерами сидела она на подоконнике родительского дома и ждала его, а он то приходил, то уходил, говорил, что придет на час, а пропадал на месяцы, а она все ждала и ждала... Ее мысли заполнял только он единственный.

– Артур, – вздыхала она, – где же ты, мой кареглазый, кого любит сейчас твое доброе сердце?

Галчонок нравилась ему своей скромностью. С ней он познакомился, когда бушевала перестройка. Он снимал с братом дом в кишлаке. Они наладили массовое производство попкорна. Было смешно наблюдать, каким способом они создавали свой бизнес. Это была тепловая пушка, в которую с одной стороны заталкивались зерна, и из сопла с другой вылетали воздушные сладкие хлопья.

– Бизнес по-армянски, – смеялся он.

Весь дом был завален хлопьями. Там же в кукурузных хлопьях, под шум тепловой пушки, он впервые познал эту девушку. Потом он, как порядочный мужчина, повез знакомить ее со своей мамой в Ереван. До чего Галчонок оказалась забавной девчонкой! Когда Артур забежал к двоюродной сестре на минуту, чтобы поздороваться, эта девушка залезла на дерево и бросала камни в окно, потому что думала, что там он развлекается с другой. Стекло заменили, а соседям пришлось объяснять, что битье окон в Самарканде – обычное дело. Как-то раз Галчонок зашла в дом его матери и, увидев на полу ковер, решила разуться.

– У нас так не принято, – улыбнулся он, а она покраснела.

Три дня и три ночи Артур водил ее по друзьям. Они пили вино, жарили шашлыки в горах, пели армянские песни. Он ей рассказывал легенды об Ахтамаре и утирал ее слезы поцелуями. Долго сидели они на Севане, обнявшись как дети, вслушивались в шум набегавшей волны. И им казалось, что они слышали голос отчаявшегося.

«Ах, Тамар, ах, Тамар», – кричал кто-то с заблудшей душой в надежде увидеть свет потухшего факела своей любимой.

Но скоро сказка закончилась. Пришло время отправить Галчонку в Самарканд. Она не хотела уезжать без него, но у Артура были еще дела здесь. Он с лучшим другом Мишиком повез девушку в аэропорт.

– Когда ты прилетишь ко мне, Артур? – спросила она его перед самым отлетом.

– Тогда, когда ты научишься готовить хинкали, – улыбнулся он, и больше они никогда не виделись.

Он провожал ее самолет таким грустным взглядом, словно предчувствовал, что она улетает навсегда. Мишик похлопал его по плечу и предложил везти машину сам, но Артур отказался. Они дружили с детства, учились вместе в школе, оба воевали в Нагорном Карабахе. Если кто знает, что такое настоящая армянская дружба между мужчинами, тот меня поймет. Они могли обманывать друг друга по мелочи, но духовная связь между друзьями бывает настолько сильной, что дружбе такой может позавидовать даже любовь. Его большие глаза слезились болью. Я вдруг начинал видеть себя в них и чувствовал, что Артур замечает меня. В его кармане до сих пор лежала записка. Он протянул ее мне, хлопья попкорна упали на снег.

«Мама и Галочка, простите, но жить я больше не могу. Я ухожу за ним».

Я вдруг увидел в глазах Артура решительность, веревку и последнюю агонию, темноту, страх...

– Артур, – вскричал я. – Не делай этого. Какая глупая смерть!

Но это уже произошло несколько лет назад, и он лишь грустно улыбнулся.

– Мы были пьяны в тот день, бессонные ночи утомили нас. Мишик погиб на месте, я покалечил ногу...

Мысль, что он виноват в смерти друга, не давала ему покоя даже сейчас, терзала его душу.

– Господи, ну почему ты забираешь самых лучших?! – заплакал я.

Я не хотел отпускать его и предложил кров. Он был рад, что я пригласил его к себе, и впервые за все годы скитания заснул. Мне еще долгое время виделась русская девочка, ждущая его на подоконнике родительского дома...

Я ушел под утро. Теперь я не боялся оставить памятник. Он был в надежных руках. Пока Артур спал, я взял из его кармана немного денег. Они ему были уже не нужны, а мне

еще предстоял путь в мир людей. И снова падал этот снег. Он словно приставал ко мне. Как назойливые мухи, кружились вокруг меня снежинки, а я шел и шел...

О сексуальных женских фантазиях

Уверен, что существует много сексуальных женских фантазий, о которых мы, мужчины, мало что знаем... Эти фантазии, как заточенные дикие звери в клетках ждут своего часа, чтобы вырваться наружу!

Анна

Анна была старше меня. Мне нравилась ее стройность. Ах, эти ножки, ах эти глазки! Когда она надевала юбку и колготки со стрелками, а каблочки задорно отбивали по асфальту барабанную дробь, мужчины оборачивались, ловя каждое движение играющих на ходу ягодиц этой женщины. «Ну, где ты, мой достойный рыцарь?» – читалось в этих движениях. Мужчины терялись и, порою боясь разочаровать такую женщину, без боя отступали. Правда, у нее был горе-любовник Дима, какой-то военный из спецслужб. На протяжении двенадцати лет они встречались редко, но бурно. Обычно в кураже безвылазного запоя приползал он к ней и брал хамской, напористой страстью, а потом опять исчезал на месяцы в своих вечных командировках. Анна ждала, тосковала, ревновала к «горячим» точкам и каждый раз клялась, что больше не отпустит его при следующей встрече. Потом они поссорились окончательно. Однажды он проговорился, что был в плену и принял мусульманство, но ни о чем не жалеет. Он умолял Анну подобрать ему еще подругу и жить втроем. Она была в истерике, кричала, что это не мусульманство, а бл... тво.

Анна была обаятельной. Конкуренция в сфере услуг научила чувствовать настроение клиента и делать все от себя зависящее, чтобы клиент оставался довольным. Когда я зашел в салон красоты, волосы у меня спускались до земли. Я был одет в поношенную солдатскую форму, босой, с отрешенным, блуждающим взглядом. Парень с бейджиком «Питер» долго просматривал журнал записи и, найдя мое имя, поморщился. Всем своим видом он показывал пренебрежительное отношение ко мне, и еще немного и я бы ушел прочь, хотя уровень салона не позволял отказывать клиентам со странностями.

– Здравствуйте, – Анна вышла из зала и вежливо улыбнулась.

Вряд ли к ней на стрижку до меня записывались снежные люди.

– Вы господин N? – спросила она, преодолевая волнение. – Присаживайтесь.

Я сел в кресло. Журчание воды успокаивало меня. Руки этой женщины коснулись моих фантомных волос и нанесли на них шампунь.

– Как будем стричься? – спросила она, разглядывая мое бледное отражение в зеркале.

– Хотя бы до плеч, – ответил я.

Пряди моих волос стали падать на пол. Я наблюдал за их падением, вспоминая, как в последний раз стригся перед отправкой в Чечню.

– А кто такой Карл? – спросил я вдруг. – Мне его рекомендовали на ресепшн.

– Ах, Карл?! Так это мой коллега.

– Я настоял, чтобы Вы меня подстригли.

– Почему? – спросила она, нанося мне на бороду пену для бритья.

– Потому что мне не с кем пойти в кино сегодня вечером – ответил я, – а у Карла есть Питер.

Я чувствовал, что уже нравлюсь ей. За годы пребывания в памятнике я возмужал и превратился из мальчишки в привлекательного мужчину.

– В нашей профессии много лиц нетрадиционной ориентации, но Карл нормальный.

– Все равно я хотел бы пригласить Вас, а не его... – улыбнулся я.

Мы договорились встретиться у входа в кинотеатр «Октябрь». Тогда шел популярный фильм «Глянец». Она опоздала, и мы сразу забежали в кинозал. Во время просмотра, я иногда смотрел на нее. На свидание со мной она пришла еще более красивой и желанной. Я был счастлив, что сижу рядом с ней, и мне хотелось взять ее за руку.

– Жизнь как мост через реку. Счастье встретить на нем любимую женщину, – сказал я вслух после сеанса.

Нам не хотелось расставаться. Мы шли по Новому Арбату и разговаривали уже на «ты». Пару раз мне удавалось рассмешить ее, и что удивительно, она не замечала, что я был босой. Или не хотела замечать. На улице было прохладно, таял снег. Уже темнело. Мы зашли согреться в ресторан. Халдей в сомбреро предложил выбор между французским и чилийским винами, порекомендовал сыр в нарезку. Моя спутница заказала телятину в овощном рагу, а я от еды уклонился, сославшись на то, что собираюсь худеть. Вино оказалось вкусным. Мы выпили за встречу.

– Я бы хотела еще родить ребенка. Представляешь, мне однажды приснился сон, будто я нашла новорожденного мальчика в поле колосистой пшеницы, взяла его на руки, а он тыкается в мою грудь и молоко ищет, глупенький. Я бегу по полю и не знаю, что делать. Я такая впечатлительная, что набросала в этот же день карандашом рисунок.

– Ты рисуешь? – удивился я.

– Я раньше хорошо рисовала, всем друзьям раздаривала свои работы, а вот этот рисунок оставила себе. Он у меня над кроватью в спальне висит. Когда приедешь в гости, я тебе покажу.

– В последнее время, – потер я кончик носа, – я избегаю общества красивых женщин.

– Даже не знаю, радоваться комплименту или грустить от отказа...

– Давай выпьем за удачу! – поднял я бокал вина.

– Давай! – она чуть-чуть отпила из бокала, – И все-таки у меня в голове не укладывается. Завтра ты пропадешь, и останутся только воспоминания?

Я знал, что Анна жаждала перемен и в то же время их боялась.

– Мы живем будущим и прошлым, забывая то, что есть сейчас, – сказал я, допивая бокал вина.

– Мне порой очень не хватает этого «сейчас»... – призналась она, и ее глаза блеснули от света свечи.

– В твоей жизни часто попадают не те люди...

– Такое ощущение, что ты меня уже давно знаешь. То, что ты говоришь, все верно и это действительно так...

– Не скрою, я талантлив в этом, – улыбнулся я, ощущая терпкость вина на вкус.

За годы, проведенные в памятнике, я утратил многие чувства, и сейчас мне захотелось плакать от счастья. Едва сдерживая слезы, я слышал, как бьется сердце женщины, которая хочет быть счастливой.

– О чем ты мечтаешь?

Она закрыла глаза, и ее влажные от вина губы прошептали:

– Представь, что горят свечи. Рядом потрескивают поленья в камине, играет приятная мелодия, добавляющая тепла в атмосферу...

Официант побежал за второй бутылкой вина. Я взял ее ладошку, которую хотелось прижать к своей щеке. Анна чувствовала нечто похожее, но что-то останавливало ее порыв. Может быть, женщины разучились полностью доверять мужчинам?

– Ты сидишь в кресле качалке с бокалом вина, – наклонился я к ней, – преданный пес лижет твои ступни, а ты все ждешь меня после долгой разлуки...

– Мы должны быть только друзьями, – открыла она вдруг глаза, пресекая мой поцелуй.

Я горько улыбнулся. Мне стало обидно, что она годами ждет нелюбимого человека только потому, что некому выгуливать ее собаку. Трясина осознания, что она разлюбила, и ее разлюбили, засасывала ее душу, тянула на самое дно, и где-то там отпускала. В болотном угаре, как беспомощный котенок, гребла эта женщина своими лапками, и уже видела безликие лица своих спасателей. Они так же беспомощно гребли к ней и чаще от нее, отчего становилось еще больнее и обиднее.

– Я становлюсь какой-то материальной, – пожаловалась она. – Знаешь, откуда берет начало слово «мать»?

Я пожал плечами.

– От слова «материя», «земля».

Мне нравилось, как изысканно насаживает она кусочек мяса на вилку и подносит ко рту. Мой желудок заурчал. Я вспомнил, как в армии делил с товарищем банку тушенки. На столе стояла початая бутылка водки, и казалось, что все не так плохо.

– Интересно, а отчего произошло слово «отец»? – задумался я. – Отец, отче, от чего-то... Мы оба засмеялись.

– А ведь верно ты подметил, – глаза Анны блеснули, – отец – это космос и, скорее всего, произошло это слово от чего-то такого, чего мы понять никогда не сможем...

Потом она погрузилась, и я увидел ее влажные от слез глаза. Я слушал о ее родном брате, талантливом музыканте, который погиб от передозировки наркотиков.

– У меня всегда такое ощущение, что он рядом и не умер вовсе. Я даже иногда боюсь встретить его случайно на улице, – говорила она, оглядываясь по сторонам.

Мне тоже казалось, что на нас кто-то смотрит. Возможно, я ловил взгляд официанта, который внимательно следил за нами и вовремя разливал вино из бутылки. Разговор зашел об ответственности, и я отметил, как сильно меняется мужчина к тридцатилетнему возрасту.

– Я чувствую ответственность за каждый шаг, тогда как прежде мои поступки зачастую были бесцельными и пустыми.

Уже было поздно. Мы вышли на прохладную улицу. Метро закрылось. Денег у меня осталось только на пачку сигарет и на такси Анне, и то, если перейти через мост. Мы шли и курили, держась за руки, как дети. Впереди виднелась здание гостиницы «Украина», напоминающее в темноте ночи старинный замок.

– А ведь я давно не курю, а тут вдруг захотелось..., – говорила Анна, забавно выпуская клубы дыма, – потому что хорошо так... и не верится, что завтра рабочий день. Моя дочь в шоке будет, если увидит меня в таком состоянии, хотя сейчас, наверно, сама гуляет, зас..нка.

Над городом нависло хмурое небо, моросил дождик. Перейдя мост, мы пошли сквером к направлению Киевского вокзала. Там можно было поймать недорогого такси. По дороге мы встретили лавочку, на которой, сливаясь с дождем, сидела неподвижная фигура женщины.

– Там кто-то сидит или мне кажется? – шепотом спросила Анна меня и от страха сжала мою ладонь.

– Это неприкаянный призрак Леси Украинки, – сказал я, уводя свою спутницу во дворы дремлющих многоэтажек.

Под большим раскидистым деревом я обнял Анну и поцеловал. Мы закружились в долгом тоскливом поцелуе и, уронив ее расслабленное тело прямо на выступающие из-под земли корни, я стал осыпать ее теплыми поцелуями, забываясь и не замечая ничего вокруг...

– Что ты делаешь? Нас могут увидеть, – шептала она в шорохе листьев, слабо сопротивляясь.

Прости, что выбрал тебя

Я долго смотрел на тебя. Ты смотрел на меня тоже и, словно чувствуя мое желание, прятался за другими, такими же, как ты невольными. Вы все были обречены, все до единого, и, если бы могло случиться чудо и вам дали бы свободу, вы бы все равно погибли! У тебя были умные глаза. Я никогда не забуду этот взгляд. В нем была надежда.

Может быть, поэтому я указал на тебя пальцем и тем самым ускорил твои страдания.

Я был по отношению к тебе богом, твоя судьба была в моих руках, и в эти минуты я уже возносился, наблюдая, как тебя тащат ко мне.

Прости, что выбрал тебя, но я не мог иначе. На моем месте мог оказаться кто-то другой, но он не знал, что значит любить тебя. Ты задыхался от моих поцелуев. Тебе не хватало воздуха, и ты все время молчал... Да, ты не сдавался, с достоинством наблюдая свой ритуал смерти, и когда я занес нож над тобой, ты вздрогнул, забился в конвульсиях еще до удара, и я вздрогнул вместе с тобой, рыдая и проклиная несправедливость. Я ощущал, как тает твоя последняя надежда, как ускользает в небытие твоя жизнь. И сердце мое трепетало, пытаясь понять твою боль. Прости меня, что выбрал тебя, но я хотел как лучше. Наша встреча была не напрасна. Я приготовил хорошую уху, я просуществую еще один день. Возможно, в следующий раз кто-то выберет и меня...

На мосту

Когда пишу я эти строки, звучит незнакомая песня. Откуда эта песня? Кто ниспослал ее мне, почему именно сейчас, когда назад дороги нет? Это песня цепляет меня так, что я чувствую бога. Ты так близко, мой добрый бог! Твое дыхание приятно колышет мои волосы, в твоих ладонях отражаются свет и сила, я жмурюсь. Волна жизни приятно проходит по телу. Ты смотришь на меня и улыбаешься. Почему же в твоих глазах слезы, почему ты все время молчишь?

Отрывки памяти, как опавшие листья, кружит ноябрьский ветер. В воздухе читается последний штрих осени. Я знаю, больше такого не повторится никогда... Я иду с девушкой, пытаюсь вспомнить ее имя... В синем свете фонарей она загадочно красива, ее тело манит меня. За час до этого мы выпили по мятному Махито. Она говорила, как ей трудно с мужем, что она хочет подать на развод, но боится... Я верю. Таким красивым глазам нельзя не верить. Муж ее сидит с дочкой, думает, что супруга у подруги. Он тоже верит... Мы похожи в этом. Я не знаю ее телефон, но, наверно, это страсть. Та самая, о которой пишут в книгах...

Старая набережная. Как всегда безлюдна и нема. Мы останавливаемся, очарованные панорамой ночи. Эта девушка боится высоты, поэтому прижимается ко мне. Я ловлю ее парфюм. С моих губ срывается нежность. Голова кружится, когда я обнимаю ее. Мы целуемся прямо на мосту напротив Дома Правительства. Дует ветер. Я слышу, как она учащенно дышит, как хочет меня. Я пытаюсь остановиться, но не могу... И лишь чей-то оклик спасает нас от физической близости.

Идущая в рай

Амина прошла мимо фонтанов одна, и озябшие солдатики тоскливо посмотрели ей вслед. Пьянящий парфюм долетел до их мальчишеских ноздрей, возбуждая огонь, и они невольно улыбнулись, рисуя фантазии. Амина шла в метро. Жуткая боль разрывала ее сердце, грудь жгла жажда мести. Черные волосы развивались на ветру. Ей так и не позволили накинуть платок, так как боялись, что это привлечет внимание. Она шептала молитву Аллаху, который вел ее к Валли, обещая долгожданную встречу, но ее тонкие губы, словно не слушались, и плотно сжимались, отчего шепот переходил в какое-то жуткое завывание. Я слышал это завывание отчетливо, понимая каждое слово, летел за ним следом. Это молитвенная нить связывала нас, объединяла в одно целое. Амина шла, упорно стуча своими сапожками по брусчатке. Дорога утомляла ее. Каблуки цеплялись за выступы булыжников. Ветер дул в лицо порывами, сшибал с ног, и девушке все время приходилось поворачиваться к нему спиной. В этот момент я ложился у ее ног опавшим листочком и тоже затихал. Она не замечала меня, а я, всматриваясь в ее восточные черты, пытался постичь, что такое любовь. Я видел, как ее пальцы нервно искали в карманах зажигалку и сигареты. Ей хотелось курить, но Джимхан категорически запретил ей любые контакты с огнем, и она не могла послушаться брата. Брат для нее был всем, и подвести брата, тем более сейчас, когда положение ваххабитов на Северном Кавказе оставляло желать лучшего, было для нее страшнейшим позором и неутолимым грехом. Ей казалось, что судьба целой нации, всего народа, в ее руках, что стоит лишь перейти черту, и эти проклятые русские вздрогнут. К тому же, ее любимый никогда бы не простил ей такой оплошности. При жизни он не знал, что она курит, и сейчас это еще больше пугало ее.

У входа в метро Амина все же закурила. Она с наслаждением втянула в себя дым и слегка закатила глаза. Я чувствовал ее мгновенную радость и тоже радовался за нее. В этот момент она была похожа на ребенка. Да сколько ей было на самом деле? Не более восемнадцати лет. «А вдруг это все не так?» – пронеслась мысль Амины, и я увидел, как она стала отгонять ее прочь. Но мысль цеплялась, когда мимо девушки мелькали лица прохожих, а дети, завидев затуманенный ненавистью взгляд смертницы, начинали плакать.

– Главное не смотреть на детей! Они могут выдать, а еще хуже, могут разжалобить, – процедила она сквозь зубы.

Царство Шайтана, как называл метрополитен ее старший брат Джимхан, работало, как часы, и, спускаясь по турникету, Амина боялась, что не успеет. Ей становилось страшно. Она уже слышала гул приближающегося поезда, пропасть притягивала к себе ярким светом, и лишь молитва помогала сосредоточиться на священной цели. Зайти и нажать.

Ей даже не разрешили проститься с отцом и сестрами. Для них Амина уехала в Москву поступать в институт на медицинский. Я представил, как она в белом халате лечит детишек, с какой нежностью и заботой относится к каждому ребенку, но это будущее было туманным, как сам я. Тот, кто был косвенно виновен. Сейчас она вспоминала араба с рыжей бородой, погибшего от пули неверного. Любила ли она Валли? Любила. И я завидовал ему только за то, что у него была такая жена. Мне было стыдно, что я разрушил их счастье.

Амина зашла последней в вагон и в плотном живом кольце старалась не смотреть на тех, кто должен был пойти за ней следом. Она встала к ним спиной, тем самым, показав презрение к ним, и стала молиться. С каждой секундой поезд набирал скорость, я видел, как рука шахидки

сжимает мобильный телефон, как белеют от напряжения костяшки ее пальцев. Она должна была набрать номер Валли, и я знал, что как только пройдет сигнал, цепь замкнется и сработает детонатор. Но девушка медлила. Ей показалось, что кто-то пристально смотрит на нее. Как двое своих среди чужих, так и мы вздрогнули, словно пораженные током, заметив друг друга. Мы всматривались в наши отражения на дверях поезда, не отрывая взгляда. Я стоял прямо за ней, выше ее на голову и невольно вдыхал запах ее черных волос. Они пахли ручьями и небом на фоне снежных, как одежды Аллаха, шапок гор.

– Зачем? – спросил я, положив подбородок ей на плечо, – Ты слишком молода, чтобы уходить.

Мои щека едва коснулась ее щеки, и ей стало не по себе от такого касания.

– Так хочет Аллах, – слабо улыбнулась девушка, слегка отстраняя голову.

– Аллах хочет детей, хочет мир. – Вымолвил я, и шепот моих губ прошелся по ее нежной шее сладкими поцелуями.

Девушка еще больше задрожала. Слышно было, как стучит ее сердце. И от этой мгновенной близости, оттого, что нас тянет друг к другу, как мужчину и женщину, я верил, что не все потеряно, что я могу остановить ее необдуманный поступок.

– А как же Валли? – крикнула идущая в рай, гневно сверкнув глазами.

Она заметила на мне солдатскую форму, автомат на плечах и главное – кинжал Валли, с которым он не расставался даже в постели, и поняла, что я убил ее любимого. Ее гнев пронзил меня насквозь, стал рвать и метать меня в разные стороны. Вагон затрясся. Пассажиры схватились за поручни. Как тонущий в бездне, схватился и я за плечо чеченки.

– Амина...

Она повернулась ко мне так внезапно, что несколько ее слез попали мне на лицо. Наши губы соприкоснулись. Ее рука, держащая телефон, опустилась.

– Аллах Акбар... – подумал я, целуя ее нервные губы.

Двери открылись, и толпа вынесла нас на перрон. Амина побежала от меня, словно от прокаженного, встала на эскалатор. Я провожал ее взглядом. Знала ли она, что у Валли была еще жена-американка и арабский скакун, которого он выставлял на Дерби? Возможно. Предвидел ли ее старший брат Джимхан, что его сестра вернется в родной аул и бросится к ногам родителей со словами раскаяния, а сам он будет застрелен федералами следующей ночью? Радовался ли сам Валли, глядя на нас сверху, как его чеченская жена с поясом шахида целуется со мной в тесном метро? О, я не знал сам! Мимо меня проходили люди, толкали меня, а я все стоял и стоял, не шелхнувшись, все еще чувствуя вкус крови с искушенных губ той, что собиралась в рай.

Про любовь

От черной воды шел ужасный холод. Осторожно я подошел к берегу и заглянул в душу озера. По водной глади медленно кружила листва. На том берегу в темноте растворялась старая церковь, и, если бы не желтый глаз луны, ее бы совсем не было видно. Непроизвольно я поднял руку, чтобы перекреститься, но вместо молитвы мои губы прошептали пугающее откровение:

– Любовь все-таки великая сила на земле. Настолько великая, что не каждому под силу удержать ее в своем сердце.

Мои пальцы еще пахли пьянящим до головокружения ароматом этой красивой женщины.

Заброшенный пляж и призрак

Никогда не думал, что окажусь в столь загадочном месте поздним осенним вечером. Если Вы окажетесь в районе метро Щукинская и, добираясь до набережной, свернете влево под мост, то перед Вами предстанет дикое побережье. Здесь не горят фонари, лишь иногда вспыхивают огни отъезжающих иномарок с тонированными стеклами, и бог лишь один знает, зачем они приезжают сюда, и что в них творится в минуты стоянки.

Здесь тихо. Редкая птица запоет свою трель, да изредка пройдет корабль, и шум прибрежной волны напомнит Вам, что где-то рядом течет река Москва... Вы заметите ее красоту, и тоска наполнит Вашу душу. Далекие огни цивилизации мерцают на той стороне. Там Строгино. В это время тут практически безлюдно. Вы можете встретить рыбака, возвращающегося с вечерней рыбалки, здесь наверняка обитают маньяки и бродят, шурша опавшими листьями, их обреченные жертвы. Это место притягивает, притягивает своей тишиной, и не каждый отважится спуститься поздним вечером вниз и потрогать прохладную гладь воды. Я спускаюсь вниз по скользкому обрыву, почти падаю, бегу... Вековые ивы... Черные ветки свисают вниз и слегка касаются Вас. Вы обнимаете крону и чувствуете, как история этого места передается Вам обрывками воспоминаний. Вам хочется курить, Вы роетесь в карманах и ищите сигарету и зажигалку. Сильный ветер тушит огонь. По коже проходит легкая дрожь, когда какая-то тень скользнет, и Вы боковым зрением заметите ее силуэт. Пожалуйста, не курите! Это притягивает лишний взгляд. Темнота наблюдает, и тысячи невидимых глаз оценивают Вас, как чужестранца. Здесь не комфортно, но уже нельзя уйти, поддаться чувству страха. Вы должны до конца ощутить тайну заброшенного пляжа. Здесь живет душа потерянной девушки. Ее одинокая тень в такие лунные ночи сидит на камне у воды и ждет Вас, чтобы заговорить. Я спрашиваю ее, хорошо ли ей здесь? И она отвечает, что давно не чувствует холода. Она говорит, что мои губы очень сладкие.

– Не мудрено! – отвечаю я, – ведь я пил сладкий шейк.

Сейчас я пьян как никогда. Я хочу ее, хотя не вижу лица, но она отталкивает меня и говорит, что замужем, что муж ее – изверг, и она боится обжечься. Я улыбаюсь и шепчу, что я давно уже потухший пепел, развеянный сто тысяч раз по ветру. И еще неизвестно кто из нас настоящий призрак. Мне кажется, я говорю это специально, чтобы увлечь ее за собой и мне становится больно.

О задушевных разговорах замужней женщины с чужим мужчиной

Любому мужчине нравятся задушевные разговоры с женщинами. Но если женщина ведет задушевные разговоры с мужчиной, то есть доверяется ему или признается в каких-то тайнах или грехах, причем часто, как правило, эти разговоры связаны с какими-то проблемами с ее мужем, разладом внутри семьи, либо она жалуется на свое положение, то это самый верный сигнал, что такая женщина доведена до крайности и способна на все вплоть до действий сексуального характера, потому что ее муж не является для нее авторитетом на данный момент. То есть она ищет другой авторитет, более выгодный и удобный.

Как из меня однажды сделали морального выродка

Лысый негр в красном камзоле и генеральских штанах потянул на себя вертушку. Я вошел в фойе, счищая с воротника снег. Роскошь и убранство отеля поразили меня. Я чувствовал себя чужим здесь, идя босиком по красной ковровой дорожке мимо колонн и мраморных статуй. Казалось, что сейчас метрдотель подойдет ко мне и попросит удалиться. Я остановился у витрины, где продавались украшения итальянских дизайнеров и товары народного промысла. Продащица бросила на меня беглый безучастный взгляд и уткнулась в журнал «Форбс».

– Можно одну конфетку? – спросил я и взял из вазы на ее столе «коровку».

Времени еще было предостаточно, и я присел на кушетку из узорного велюра под старину, положив небрежно ногу на резной дубовый столик. Мне захотелось внимания, так как всеобщее равнодушие к моей скромной персоне в этом экстравагантном месте вызывало во мне неприятные чувства. Напротив меня сидел солидный господин в рубашке от «Версачи» с расстегнутым воротником и покуривал сигару. Как назло, клубы сигарного дыма скрыли мое бесцеремонное поведение от взора метрдотеля. И скандал не удался.

Мимо нас неторопливо проходили посетители. Это были в основном иностранцы с VIP-проститутками, но попадались и русские. Один из них, пропуская даму в лифт, выронил сто-долларовую бумажку и не заметил этого. Купюра так и лежала на ковре, пока ее не поднял метрдотель. Его холеное, лоснящееся от жира лицо было невозмутимо. Казалось, что поднимать сто-долларовые бумажки для него обычное дело. И мне вдруг стало обидно за тех мальчишек, которые отдали свои жизни в окопах Чечни. Там была беспощадная, никому не нужная война, а здесь текли деньги рекой. Казалось, что тысячи гневных мертвецов шевелятся в своих могилах от несправедливости. Я даже слышал, как хрустят их хрупкие кости.

Кинув взгляд на внутренний балкон, возвышающийся над фойе, я заметил, как какая-то женщина посылает мне воздушные поцелуи, держа в руках бокал с шампанским. Сначала я подумал, что ее внимание адресовано курящему господину, но все же кивнул и поднялся по мраморной лестнице. Скорее всего, женщина была пьяна и обозналась. Оказавшись на втором этаже, я потерял ее из вида. По-видимому, здесь проходила какая-то презентация. Ухоженные женщины бальзаковского возраста, сверкая дорогими украшениями, за столиками пили чай с пирожными. Они чувствовали себя богинями, выдавливая из себя улыбки фальши. Над всей этой суетой возвышался плакат какой-то девочки. Мне объяснили, что девочка пропала без вести несколько лет назад, и попросили принять участие в сборе средств на поиск несчастной и других пропавших детей. Но что-то было не так в этом общем благородном порыве. Я бродил между столиками, все еще не решаясь избавиться от последней монеты, и заглядывал во рты этих «матерей-Терез», которые аппетитно жевали свои булочки. Тут же на столиках лежали фотографии пропавших, заляпанные жирными пальцами их ищущих. Слегка пошатываясь от мерзости данного мероприятия, я решил было уйти, но аппетитное чавканье окружающих меня «спасительниц» обострило во мне чувство голода. Когда я подошел к шведскому столику, чтобы подкрепиться, то заметил ту женщину, которая недавно посылала мне воздушные поцелуи.

– Здравствуйте, – улыбнулась она и подала мне свою руку, но я проигнорировал этот привольный жест, жадно уплетая за обе щеки сэндвич с красной рыбой.

Женщина вовсе не обиделась.

– Меня зовут Вера, – представилась она. – Это я Вас звала...

– Надо же! – равнодушно сказал я и пошел к бару, где официант разливал соки и шампанское.

Вера была в элегантном вечернем платье, и на ее пышной груди сиял крупный изумруд. Было странно наблюдать, что эта обеспеченная женщина следует, не отставая, словно банный лист, за босоногим солдатиком. Мы взяли по бокалу шампанского и отошли в тень колонны.

– У меня к Вам одно предложение... – сказала Вера, сделав скромный глоток, пока я дожевывал бутерброд. – Мне не с кем пойти сегодня в ночной клуб, а муж уехал в Лондон.

– Здесь еще есть мужчины, – указал я на парнишку с модной прической, который только что вошел, щеголяя узкими, подчеркивающими бедра, брюками.

– Он голубой, – засмеялась моя спутница, обнажив свои ровные керамические зубы.

Она вдруг заметила, что я кинул ревностный взгляд в сторону шведского стола, где дамочки активно наполняли свои тарелки.

– Вы проголодались?

Я кивнул, и ее глаза засветились материнской заботой.

– Вам что-нибудь принести?

– Да, блины с икрой и пирожное с кремом.

Когда Вера ушла, я быстро осушил бокал шампанского и отправился к выходу, но она вовремя заметила мое бегство и догнала меня на ступеньках.

– Вы уже уходите? – слегка расстроилась она, держа в руке полную тарелку деликатесов.

Я виновато кивнул.

– Вам не понравилось мое предложение?

– Мы совсем не знакомы...

– Порою живешь с одним человеком всю жизнь и совсем его не знаешь...

– А что мы будем делать?

– Скрашивать мое одиночество. Мы будем пить Хенесси ХО, курить кальян, и я буду не против, если Вы увлечетесь там какой-нибудь девушкой.

Неожиданно в наш разговор вмешалась высокомерная старушка. Ее тяжелые серьги безобразно оттягивали мочки ее вялых ушей. По манере ее поведения видно было, что она организатор этого благотворительного вечера.

– Верочка, почему ты скрывала от нас свою страсть к убогим? – надменно улыбнулась она, окинув меня с ног до головы холодным взглядом.

Ее хищный крючковатый нос вдруг заострился, словно клюв коршуна, готовый пройтись в меня в любой момент.

– В обществе красивых дам мужчины теряют головы, а этот потерял еще и туфли, – заметила она мои босые ноги и вдруг завопила, точно укушенная. – Какое неуважение к пропавшим детям!

Все замерло вдруг. Музыка оборвалась, официанты перестали разносить бокалы и разливать вина, и сотни негодующих глаз уставились на меня. По залу прошел неодобрительный шепот. Вера взяла меня под руку, пытаясь увести от скандала, но я отстранился.

– Уважаемые дамы! – сказал я, запрыгнув на один из столиков. – Цель подобных мероприятий одурачить вас, играя на вашем сочувствии. Если хотите реально кому-нибудь помочь, сходите на вокзал. Там очень много людей, которые реально потерялись. У настоящей помощи не бывает пиара. Как вы вообще можете помогать детям? Каждая из вас с радостью перегрызет горло другой только за то, что та позволила себе усомниться в ее высоких намерениях.

Женщины поднялись со стульев, медленно дожевывая пирожные, и окружали меня. Они растопырили пальцы, угрожающе шевеля ими, словно крабы на охоте. Враждебное кольцо из бриллиантов и роскоши сжималось вокруг меня. Знамя добродетели, вырванное у них внезапно из-под ног, было сейчас, как красная тряпка для разъяренного быка. Из улыбчивых и добродушных женщин они превращались в страшных и безобразных фурий, алчущих растерзать меня только за то, что я усомнился в их добродетели.

– Вот, мерзавец! – слышалось из толпы.

– У меня мозг взорвется. Может, я чего не понимаю в жизни...

– Топтать его, бабоньки! Топтать! – призывала к бою организатор вечера, выдвигая вперед плакат пропавшей девочки, словно икону перед дьяволом.

Старушка схватилась за сердце, и ее верные подружки замахали вокруг нее разношерстными веерами. Ее ядовитая слюна забрызгала паркет.

– Наташа, да не обращай ты на него внимание, – сказала одна из них. – Если на каждого обращать внимание, то можно с ума сойти.

– Страшно, ведь он такой не один, – поражалась основательница фонда. – Лучше бы он молчал, как бывает в большинстве случаев. Просто он меня поразил своим пофигизмом. Такой человек пройдет мимо гуляющего ночью ребёнка в трусиках.

– Ну, такой не то, что мимо пройдет, он еще и может что-то сделать нехорошее. Моральный выродок. Бороться с ним бесполезно, только себе дороже выйдет.

– А вдруг у него еще совесть осталась? – кто-то тихо шепнул за их спинами.

– Мужчинка от себя в полном упоении, – пробасила одна солидная дама.

– М-да, с головой человек явно не дружит. Ему б хорошего доктора, глядишь и помогло бы.

– Мы привлекаем внимание не к пропаже этой девочки, а к проблеме, что дети пропадают, а ищут их добровольцы. – Била себя в грудь другая оскорбленная особа.

– Мне это не интересно. – Возразил твердо я, ухмыльнувшись.

Я все еще стоял на столике и смотрел на все это убожество сверху вниз.

– А хмылится, как абсолютный эгоцентрист. Пуп вселенной. Это не лечится, – попыталась столкнуть меня со стола одна дама.

– Я Вас всех прощаю, – поклонился я этим женщинам и спрыгнул вниз, а они с криками и воплями набросились на меня, словно на случайно зашедшего в женскую баню мужика. Я выбрался из кучи-малы и сам схватил Веру за руку. Мы поспешили удалиться. Заварушка наверху еще долго не утихала.

Не говорите женщине, что она не совсем счастлива в браке

Не говорите женщине, что она несчастлива в браке, даже если это кажется правдой или она это хочет услышать. Вы рискуете открыть ящик Пандоры. Любопытство замужней женщины сыграет с ней злую шутку, да и с Вами тоже.

Мужской стриптиз

Наш «Мерседес» несся по ночной столице. Вера сидела за рулем, а я всю дорогу думал, что жизнь не такая простая штука. У нее был муж, который уехал по делам в Лондон, у меня не было никого, и с этой женщиной меня не связывало ничего общего. Какая-то неведомая сила уносила нас навстречу неизвестности. Мы остановились у ночного клуба «Капитан Дрейк». Мне вспомнилась «Хромая Лошадь», где заживо сгорели двести человек. Заведение было аналогичное. Такие же узкие коридоры, горючие материалы. Выходя из машины, Вера дала мне пяти тысячную бумажку:

– Пусть у тебя будут деньги.

Охранник просветил купюру и стал отсчитывать сдачу. Нам дали лучший столик. Официант был услужлив, но болтлив, хотя из-за громкой музыки его речь не всегда была слышна. К Вере он относился с нескрываемым почтением, так как от нее ему не раз перепали хорошие чаевые.

Мне понравилась задумка дизайнеров клуба. Зал был оформлен под корабль из темного дерева. На мачте работал DJ, а по лестницам стояли матросы-негры в полосатых тельняшках и характерных шапочках, напоминающих мне льва Бонифация из мультфильма моего детства. Звучала энергичная музыка. Все внимание посетителей было приковано к танцполу, на котором дергались и подпрыгивали в лучах ультрафиолета, словно под током, девушки. Мы заказали коньяк XO, сок и греческий салат.

– Выбирай любую, – кричала мне сквозь музыку Вера. – Как тебе вот эта? – смеялась она, показывая на одну из танцовщиц.

Я делал равнодушный вид и даже зевал, но иногда мой взгляд все-таки цеплялся за ту или иную танцующую девушку. Мне нравилось, как они двигаются, как молодость дышит в их разгоряченных телах. Я знал, как легко я могу получить каждую из них, представлял их в своих объятиях, мысленно сдирая с них маски приличия. Девушки отвечали мне улыбками, шептались между собой. Все считали меня богатым, потому что только уверенный и обеспеченный человек может позволить себе такую причуду, как прийти в клуб в изношенной форме солдата да еще босиком. Они хотели узнать обо мне больше. Никто не знал, что творится у меня на душе, и даже Вера боялась спросить меня об этом. Перед нами танцевала молодая пара. Девушка модельной внешности была в блестящей открытой блузке и обтягивающих джинсах. Она умело танцевала и одновременно источала улыбки окружающим мужчинам. Ее кавалером был худощавый парень с влюбленными и грустными глазами. Очевидно, студент. Я уже видел недалекую судьбу их отношений. Скоро его спутница найдет себе лучшую партию, возможно, мужчину постарше и побогаче. Несколько раз наши взгляды с ней пересекались под лучами прожектора, и я чувствовал ее сильный интерес ко мне.

С Верой я молчал, но не из-за громкой музыки. Мне не о чем было разговаривать с этой женщиной. Она была проста, как пять копеек, хотя заказывала XO. Я медленно хмелел, рассуждая про себя, что жизнь удалась, если коньяк, который пьешь, старше женщины, с которой спишь. Иногда мы обменивались репликами, наклоняясь ближе друг к другу. В этом шептании зарождались какие-то интимные иллюзии. Мы словно уже были любовниками-заговорщиками. Я чувствовал, как поднимаю ей самооценку, слегка касаясь небритой щекой ее кожи.

Моя пассия вдруг сделала недовольную мину. Оказалось, что она зацепила дорогие чулки о гвоздик, который торчал на стуле. Мне пришлось даже поменяться стульями, но Вера не могла успокоиться. Слезы текли по ее щекам.

– Стрелка почти не видна, – взял я ее за руку, успокаивая.

– Чулки из кашемира и шелка Оскар де ла Рента за 990 долларов. – Вытирала она слезы платком.

– На Гаити погибло недавно двести тысяч человек, а ты расстраиваешься из-за ерунды. – кричал я ей сквозь музыку.

– Ты умеешь успокоить...

К нам подошла официантка, молодая белокурая девушка, которая о чем-то долго разговаривала с расстроенной Верой, и моя спутница понимающе кивала ей в ответ.

– Из нее выйдет хороший менеджер, – улыбнулась Вера, провожая ее взглядом.

– А что она сказала?

– «Извините нас, пожалуйста».

– Как все просто...

В качестве моральной компенсации нам принесли кальян. В этот момент негры-матросы вынесли на сцену столик, на который поставили черно-белую фотографию женщины, а напротив часы с большими стрелками. Под восточную мелодию появился дряхлый старичок с клюкой. Одет он был в клетчатый пиджачок и короткие старомодные брюки с подтяжками, так что были видны его белые носки. Зал встретил актера овациями. Стрелки часов побежали в обратном направлении. Старик бережно прижал фотографию к груди. Его руки задрожали в порыве воспоминаний, и он начал танцевать, преображаясь в молодого человека. Внезапно куда-то исчезла седая борода и плешь. Танцор сбросил пиджачок и продемонстрировал тело атлета. Он словно выпрямился, стал выше. Смелый блеск его глаз из-под накладных седых бровей заворожил толпу. Я внимательно следил за посетителями, среди которых опять увидел девушку в блестящей блузке. В ней сейчас появилось нечто особенное, что вызывало во мне мгновенное желание близости. Я чувствовал ее невольную дрожь, слышал, как трепетно бьется ее сердце, наблюдая за движениями стриптизера. Он же парил в облаках ее мечтаний, как Аполлон, сверкая мускулами, в красивом танце двигая совершенным телом. На ее глазах выступили слезы, что придало ее лицу еще большую выразительность.

Она, едва заметно, раскачивалась из стороны в сторону, словно решалась броситься в пропасть. В этом губительном прыжке она мечтала коснуться своего идола, почувствовать его запах и власть над собой. Я видел, как она прикусила до боли губу. Тем временем, танцор полностью обнажился, прикрыв свое естество красной розой. Ему удалось зародить желание у многих посетительниц, но больше всего его магией была околдована эта девушка. Она обнимала свое изящное тело руками, дрожа от возбуждения, и аромат этих нежных лепестков

дурманил ее несозревшую душу. Я понял по ее дрожащим губам, что она молит бога, чтобы стриптизёр среди десятка восторженных зрительниц не прошел мимо и выбрал именно ее.

Я вижу, как он проходит мимо, словно не замечая ее. Ей страшно, что выберут другую. Она дрожит. Губы шепчут заклинания. Сейчас волна накроет ее. Ее напряженные пальцы на бляшке ремня. Они тянут вниз, джинсы почти слетают с ее худых бедер, обнажая сережку в пупке и бритый лобок. Я смотрю на ее бедного парня. Он стоит поодаль бледнее тучи, держит украшенный фруктами коктейль, который она только что отвергла. Сейчас она поглощена другим. Демон-искуситель берет ее за руку и выводит в центр танцпола. Поддаваясь инстинкту, она поворачивается к танцору спиной, прогибается, готовая отдаться ему. Он беспощадно дразнит ее, просовывает розу под ее блузку, касается лепестками ее твердых сосков. Все аплодируют. Она плачет от счастья... Я тоже.

Вера обижена и встает из-за стола, просит счет. Думает, что она старая и безобразная, что время ее давно прошло. Ее раздражает молодежь, этот беззаботный смех. Она хочет ехать домой. Говорит, что накажет меня за всю боль, что причинили ей мужчины в ее жизни. Когда я сопротивляюсь, она так впивается пальцами в мою руку, что мне становится больно. Я прошу ее сделать мне еще больнее, и она бьет меня наотмашь по щеке. Мне не хочется никуда ехать. Я не плюшевый медвежонок. Но все-таки мы выходим на улицу.

– Тебе надо вызвать такси! – беспокоюсь я, глядя, как она еле-еле стоит на ногах.

Меня мутит от ее рваных чулок за 990 долларов. Эти толстые ляжки убивают во мне гуманизм. Неудивительно, что меня тошнит на капот ее машины. Вера садится за руль, но я не отпускаю ее.

– Вылезай, с... ка. Ты можешь убиться!

Она послушно выходит и бросает мне связку ключей. Мне нравится, что я назвал ее «с..кой». Мы трогаемся.

Как я любил жизнь

Звучал Рамштайн. Ночной МКАД напоминал Млечный путь. Наматывая круги на бешеной скорости, я обгонял ползущих «шумахеров» и улыбался той странной улыбкой, которая появляется на устах внезапно в минуты просветления. Глаза слипались от усталости и совершенно дикого опьянения. Наш «Мерседес» бросало в стороны, когда я на секунду отключался. Сердце сжималось, и приятная волна адреналина обжигала душу. Я любил жизнь, а она любила меня. Мы были любовниками почти тридцать лет, и только сейчас, соскальзывая с Млечного пути в омут черных дыр, я отдавался ей полностью, искренне, безвозвратно. Человеку часто в голову приходят глупые и нелепые мысли, особенно такому, как я, но, поглядывая на мало-знакомую женщину справа, чья милая головка поднималась и опускалась над моими коленями, я думал исключительно об оргазме.

Стоит ли верить людям

Человек человеку рознь. Одним людям верить можно, другим нет. Если Вас обманули, то вина лежит именно на Вас, так как Вы не разобрались в этом человеке и доверились своим иллюзиям и надеждам. Если Вы восприняли этого человека как возможного обманщика изначально и имели с ним дело по каким-то скрытым причинам, и он все-таки Вас огорчил, разочаровал, то это был не обман с его стороны, а самообман с Вашей.

Испытание голодом

Слышу, как поворачивается дверной замок, а у самого течет предательская слюна. С невыносимым спазмом в желудке я бросаюсь на стену, жалкий и ничтожный, невымытый и избитый, ненавидящий себя за слабость, за то, что Голод сильнее меня. Госпожа заходит всегда с тарелкой, на которой дразнящим заревом горят бутерброды с красной икрой. Она начинает их уплетать на моих несчастных глазах. С таким чудовищным аппетитом. Бутерброды тают во рту этой женщины, будто снег. Она облизывает губы, говорит «Ммм. Как вкусно!». Это самое легкое испытание, самое легкое... Ее муж еще в Лондоне. Он совсем не звонит ей, не пишет писем. Брошенным женщинам хочется, чтобы их утешали. И я начинаю утешать ее. Госпожа садится на край кровати, смотрит на меня печально и протягивает тарелку с крошками.

– Не хлебом единым, милая, – целую я ее бальзамированную кожу и отвожу стыдливо взгляд от тарелки.

– Что ж! – тяжело вздыхает она и уходит. – Ты еще не готов.

Я знаю, что она хочет, знаю, и она знает. Еще три-четыре дня, и я не выдержу... Я сомкну свои жадные челюсти на ее жирном горле, и буду грызть, грызть, пока не утолю свой Голод.

О саде-мазе

Мне иногда кажется, что бог очень даже любит саду-мазу, потому что вся эта жизнь одна большая сада-маза и все это ради удовольствия.

В комнате было темно, и мое лицо осветилось вздрогнувшим пламенем. Свеча догорала. Парафин стекал на столешницу, обволакивая опрокинутую рюмку. Вера сидела на кровати, поджав под себя ноги. Я сделал взмах плетью и замер.

– Если знания приумножают печаль, то бог, значит, и есть абсолютная боль? – спросил я вдруг.

– У каждого бог свой, у тебя он боль и страдания, у меня радость и любовь, – повернулась она, оголяя мне спину.

Плеть обрушилась, оставляя красный след. Вера вскрикнула. Я снова занес над ней плеть, и гибкая извивающаяся как змея сущность плети вопреки законам физики снова зависла в воздухе.

– Ты совсем не боишься меня, – горько улыбнулся я.

– Любовь – это когда ничего не боишься.

Плеть опять опустилась, и женщина снова вскрикнула.

– Тебе хорошо со мной, любимый? Да? – преодолевая боль, дрожащим голосом спросила она.

– Нет, мне не хорошо с тобой. Мне ужасно не хорошо, потому что ты ничто! – хлестал я ее безжалостно по спине.

– А ты все... – повторяла она, закусив от боли губы.

Я устал, отложил плеть и присел на кровать рядом.

– От жестокости до жалости один шаг. Сейчас дьявол и бог держатся за руки.

Мне стало жалко эту бедную женщину. Я склонился и стал целовать ее плечи и шею.

Побег

Следующей ночью я решился бежать. Не потому что я больше не мог терпеть все эти пошлости. Отнюдь! Признаться, я ловил себя на мысли, что мне нравится находиться с Верой, быть соучастником ее гадкого одиночества и поруганного самолюбия, выливавшихся на мою голову отбросами извращенного понимания о любви. Всякое безумие деградирует и наскучивает. Я настолько чувствовал эту тенденцию, что знал, что именно Вера предпримет в ближайшие дни. Она уже при мне советовалась с пластическим хирургом, как из мужчины можно сделать женщину. Они обсуждали мою участь, будто речь шла о смене прически. Вера хихикала в трубку, удивлялась простоте операции и негодовала, сбивая цену. Затем она успокаивала меня, словно глупенького ребенка, лепеча с сюсюканьем, что Михаил Иосифович – первоклассный специалист в своей области, проходивший стажировку в одной из лучших израильских клиник. «Милый, ты меня еще благодарить будешь!» – строила она грандиозные планы, показывая мне свою обновленную грудь с такой гордостью, что я вынужден был согласиться. Возможно, в последнюю минуту, перед тем как скальпель хирурга отсек бы мое мужское достоинство, она бы подошла ко мне и со слезами на глазах поцеловала мои дрожащие губы, взглянула в глаза, в надежде увидеть мольбу о пощаде. Возможно, она бы все-таки не решилась. Но в чем я не сомневаюсь, так это в том, что ее удивило мое внезапное исчезновение из запертой комнаты. Она не верила в фантомов.

За покорность Вера обещала купить мне белую яхту и помочь с поездкой в Индию, хотя я понимал, что все это лишь обещания и не более того. Рано или поздно она меня просто растворила бы в серной кислоте и спустила в унитаз, как всегда поступала с теми, кто ей надоедал.

– А сапожки из крокодиловой кожи тебе идут, – сказал я Вере накануне.

– Я их купила, чтобы ночами выгуливать тебя, – улыбнулась она, прикуривая одну из своих бесчисленных папиросок. – Скажи, а что мне не идет?

Моя тюремщица присела на корточки, раздвинув бесстыдно свои колени, и дунула на меня облаком дыма.

– То, что ты без трусиков, – ответил я, когда она сделала глубокую затяжку, явно наслаждаясь своим превосходством надо мной.

Из ванной послышался женский смех, и я вопросительно посмотрел на Веру.

– Я решила тебе сделать маленький подарок напоследок, – сказала она, стряхивая пепел мне на голову.

Все ее подарки были предсказуемы. У нее была шикарная джакузи. Иногда эта странная женщина устраивала для меня праздник, приглашая VIP-проститутку. Обычно две-три девушки, крашенные блондинки с голубыми глазами. На большее у Веры не хватало фантазии. От природы у этих девушек были кукольно-фарфоровые лица и даже в походке чувствовалось что-то от манекена. Они носили пояса верности, так что классический секс с ними для меня был невозможен. Каждый раз я умудрялся обойти эти женские хитрости, но сегодня за день до хирургического вмешательства Вера превзошла мои ожидания. Она натянула на головы девушек кожаные шлемы и с особой заботой зашнуровала им забрало. Мне это напомнило

образ купающихся гладиаторов перед боем. Затем Вера толкнула меня в их скромную компанию, а сама присела на край джакузи и о чем-то задумалась, глядя, как резвятся со смехом эти беспечные фурии, брызгая друг друга водой и пеной. Я плавал между ними, покоряясь судьбе и сопротивляясь бессмысленному желанию близости с ними, пока хозяйка дома не принесла мне махровое полотенце. Я молчал, немного раздраженный, а она все смотрела на меня, будто спрашивала: «Ну, как искупнулся, милый?».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.